

АНДРЕЙ ЯНУАРЬЕВИЧ ВЫШИНСКИЙ (1883—1954): ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ И ПРАВОВЕД СТАТЬЯ ДЕВЯТАЯ*

В.А. Томсинов,

доктор юридических наук, профессор юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Выступление А.Я. Вышинского «Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции» имело программный характер, о чем свидетельствуют подзаголовки разделов расширенного текста этого выступления, изданного отдельной брошюрой. Андрей Януарьевич представил их в виде лозунгов, выражавших главные задачи советских органов юстиции: «Привлекать к уголовной ответственности обдуманно и обоснованно»¹; «Тверже поставить охрану личности трудящихся»²; «Изгнать следы бюрократического отношения к нуждам людей»³; «Улучшить руководство нашими кадрами»⁴; «Ускорить реформу нашего законодательства»⁵.

С каждым из этих лозунгов прокурор СССР связывал исправление каких-либо недостатков в деятельности прокурорских и судебных органов. Призывая же к ускорению реформы советского законодательства, он говорил о необходимости окончательно разрешить ряд «принципи-

альных вопросов уголовного и уголовно-процессуального права»⁶. При этом первостепенное значение он придавал совершенствованию уголовного законодательства. «Наш уголовный кодекс, — говорил Вышинский, — должен в полной мере отвечать новым требованиям и новым задачам. Он должен полностью освободиться от ошибок и недостатков как ныне действующего УК, так и тех проектов УК, которые создавались из года в год, но ни один из которых до сих пор не увидел света»⁷. Андрей Януарьевич в данном случае имел в виду проекты уголовного кодекса, которые разрабатывались с 1928 г. одновременно:

— комиссией Государственного института по изучению преступности и преступника (ГИПП) под руководством Е.Г. Ширвиндта⁸,

— возглавляемой Н.В. Крыленко группой сотрудников Института красной профессуры и подсекции уголовного права

* Статьи с первой по восьмую см.: Законодательство. 2017. № 8—12; 2018. № 1—3.

¹ Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции. М., 1935. С. 25.

² Там же. С. 38.

³ Там же. С. 40.

⁴ Там же. С. 55.

⁵ Там же. С. 48.

⁶ Там же.

⁷ Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции // За социалистическую законность. 1935. № 6. С. 10.

⁸ См.: Деятельность Государственного Института по изучению преступности и преступника (составление проекта уголовного кодекса) // Проблемы преступности. Вып. 4. М., 1929. С. 108—122.

Института советского строительства и права при Коммунистической академии⁹,

— группой правоведов в составе прокурора Верховного суда СССР П.А. Красикова, председателя Верховного суда СССР А.Н. Винокурова, заместителя председателя Верховного суда СССР А.В. Галкина.

К 1930 г. указанные комиссии и группы правоведов подготовили три проекта уголовного кодекса¹⁰, но по разным причинам все они были признаны неудачными.

Главными ошибками этих проектов А.Я. Вышинский считал выдвинутые в ходе их разработки идеи о коренном преобразовании установленной Уголовным кодексом РСФСР 1926 г. системы преступлений и мер социальной защиты с целью освобождения ее от свойств, присущих уголовному праву буржуазного общества.

Особенно пагубной Вышинскому как прокурору СССР представлялась выдвинутая рядом советских правоведов идея о том, что «новый уголовный кодекс вместо твердых и точных составов (преступлений. — В.Т.) должен был иметь ориентировочные составы, абсолютно судью не связывающие»¹¹. Данная идея стала бурно обсуждаться с весны 1928 г. на различных заседаниях в научных юридических учреждениях и в Наркомате юстиции.

19 ноября 1928 г. руководитель Государственного института по изучению пре-

ступности и преступника Евсей Густавович (Гдальевич) Ширвиндт выступил на пленарном заседании данного учреждения с докладом об основных принципах разработки проекта уголовного кодекса, сформулировав свои соображения о наиболее целесообразной методике изложения содержания такого документа. «Система мер социальной защиты УК и порядок применения их судами, — сказал он, — должны обладать гибкостью, которая давала бы возможность, не прибегая к практике ударных кампаний, усиливать репрессию в отношении преступников и преступлений, которые в силу изменений хозяйственной и политической конъюнктуры приобретают особую социальную опасность»¹². Продолжая эту мысль, Е.Г. Ширвиндт сформулировал следующий тезис: «Система определенных приговоров с твердо фиксированными сроками лишения свободы должна быть заменена системой приговоров относительно неопределенных в разных их формах, в зависимости от социальной опасности тех или иных категорий преступников, но в пределах максимального срока»¹³.

Рассмотрев представленные Ширвиндтом тезисы, пленарное заседание Государственного института по изучению преступности и преступника приняло их «в качестве основы для работ Института по составлению проекта уголовного кодекса»¹⁴. Для координации этих работ в рамках ГИПП 18 февраля 1929 г. была

⁹ Крыленко Н.В. Принципы переработки Уголовного кодекса РСФСР. Доклад на заседании коллегии НКЮ от 24.V.1928 года // Революция права. Журнал секции теории права и государства Коммунистической академии. 1928. № 4. С. 3—19. Данная статья опубликована также в «Еженедельнике советской юстиции» (1928. № 22. С. 641—643; № 23. С. 661—664). В 1929 г. указанная работа Н.В. Крыленко была выпущена в свет издательством «Госюриздат РСФСР» в виде отдельной брошюры объемом в 64 страницы под названием «Реформа уголовного кодекса (основные принципы пересмотра уголовного кодекса). Доклад на VI Съезде прокурорских, судебных и следственных работников».

¹⁰ Проект, подготовленный группой правоведов под руководством Н.В. Крыленко, был издан Госюриздатом в виде отдельной брошюры объемом в 65 страниц. См.: Проект нового уголовного кодекса РСФСР, выработанный подсекцией уголовного права Института советского строительства и права при Коммунистической академии / Вступ. статья Н.В. Крыленко. М., 1930.

¹¹ Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции // За социалистическую законность. 1935. № 6. С. 10.

¹² Деятельность Государственного Института по изучению преступности и преступника (составление проекта уголовного кодекса). С. 108. В процессе обсуждения в Совете ГИПП оборот «особую социальную опасность» в данном тезисе Ширвиндта был заменен формулировкой «большую или меньшую социальную опасность» (Там же. С. 109).

¹³ Там же. С. 108. После обсуждения в Совете ГИПП данный тезис принял следующий вид: «Система определенных приговоров с твердо фиксированными сроками лишения свободы должна быть заменена системой относительно неопределенных приговоров. В тех случаях, когда суд признает единственно целесообразной мерой социальной защиты лишение свободы, оно во всех случаях должно назначаться на срок от одного года, с тем, что заключенный может быть освобожден соответствующими органами в пределах установленного законом максимального десятилетнего срока» (Там же. С. 110).

¹⁴ Там же. С. 122.

создана специальная комиссия под председательством Е.Г. Ширвиндта. В ее состав были включены Н.Н. Спасокукоцкий, А.Н. Трайнин, С.Б. Тагер и Б.С. Утевский. Позднее в комиссию ввели правоведов М.М. Исаева, С.П. Мокринского и А.А. Пионтковского. В таком составе она занялась непосредственно составлением проекта нового уголовного кодекса.

Сделанный Е.Г. Ширвиндтом вывод о необходимости замены системы «определенных приговоров с твердо фиксированными сроками лишения свободы» в советском уголовном кодексе «системой приговоров относительно неопределенных» разделяли многие советские правоведы. Этот тезис вполне закономерно вытекал из присущей советской науке уголовного права доктрины преступления и наказания, которая в своем формировании и развитии всегда противопоставлялась соответствующей доктрине буржуазного уголовного правоведения.

Сам Е.Г. Ширвиндт хорошо понимал связь идеи неопределенных приговоров с уголовно-правовыми доктринами Советского государства. В 1927 г. он писал: «Таким образом, один из первых основных вопросов советского уголовного права, встающий перед нами в начале второго десятилетия Октябрьской революции, это — проблема коренной переработки особенной части Уголовного кодекса в направлении расширения принципа неопределенности приговоров и радикального пересмотра всей системы мер социальной защиты и характера применяемых санкций»¹⁵.

Поясняя данную мысль, Евсей Густавович привел развернутую аргументацию. «Непоколебимость, незыблемость приговора, судебного решения является характерной чертой буржуазной юриспруденции, — утверждал он. — Этим капиталистическое государство демонстрирует непримиримость с врагами буржуазного строя, свою непреклонную волю к борьбе с нарушителями абсолютного права частной собственности, в этом, наконец, нахо-

дит свое логическое завершение теория эквивалентного возмездия, требующая, чтобы преступник во что бы то ни стало отбыл в точности всю установленную судом меру наказания, как соответствующую совершенному преступлению. Всякое колебание приговора есть, с точки зрения этой теории, колебание теории возмездия. Отсюда — святость и незыблемость приговора, отсюда апелляция и кассационная его проверка до вступления в силу. Отсюда же в капиталистических странах и целый ряд аналогичных явлений в области выполнения приговоров к лишению свободы: фактически ничтожные размеры применения неопределенных приговоров, несмотря на теоретическое их признание, ничтожное по размерам применение досрочного освобождения при общем признании целесообразности этого института, мысль о возможности освобождения заключенного ранее срока лишь в порядке акта милости со стороны верховного органа власти и т. д. и т. д.»¹⁶.

Посетовав, что и по прошествии десяти лет после отмены законов прежней России советская юридическая наука все еще находится в плену у буржуазного представления о незыблемости судебного приговора, Е.Г. Ширвиндт убежденно заявил: «Между тем если подойти к вопросу с революционно-марксистским анализом, то станет ясно, что приговор не может считаться чем-то абсолютным. Если основанием принятия мер социальной защиты является не точно измеримая степень вины, а социальная опасность преступника, ни размеры, ни продолжительность которой не могут быть измерены и хотя бы с приблизительной точностью установлены, то и приговор суда не может дать арифметически точного перевода степени социальной опасности на годы, месяцы и дни. Преступление, отдельно взятое и служащее предметом судебного разбирательства, отнюдь не может дать непогрешимо правильного представления о степени социальной опасности деятеля. О продолжительности же

¹⁵ Ширвиндт Е.Г. Проблемы советского уголовного права на грани второго десятилетия Октября // Советское право. Журнал Института советского права. 1927. № 6 (30). С. 76.

¹⁶ Там же. С. 80.

социальной опасности никто, а в том числе и суд, не может дать безошибочно прогноза на более или менее отдаленное будущее»¹⁷.

В качестве еще одного аргумента в поддержку мнения о необходимости замены в советском уголовном кодексе системы определенных приговоров системой приговоров относительно неопределенных Е.Г. Ширвиндт сослался на то, что не только социальная опасность преступника не является постоянным свойством: отдельные преступления также «могут изменять или вовсе терять свою социальную опасность». Такие случаи действительно были в советской судебной практике. «С точки зрения буржуазных теорий возмездия, — заметил Евсей Густавович, — осужденные за подобные преступления должны до конца отбыть назначенное им наказание. Революционная марксистская диалектика устанавливает, что дальнейшее содержание таких осужденных является нецелесообразным, бессмысленным и вредным. Бояться *корректирования* таких приговоров, опасаться, что освобождение осужденных за подобные преступления поколеблет стабильность судебной политики, значит быть в плену у буржуазной юридической мысли, значит проповедовать фетишизм самого неприкрашенного типа»¹⁸.

Содержание проекта нового уголовного кодекса, разработанного комиссией правоведов под председательством Е.Г. Ширвиндта, показывает, что ему удалось провести свою идею о неопределенных приговорах, но в весьма ограниченной степени — путем установления сроков лишения свободы от двух до пяти лет. При этом согласно данному проекту применение подобной меры социальной защиты предполагалось лишь за определенные деяния:

1) преступления против пролетарской диктатуры;

2) массовые беспорядки, соединенные с истреблением имущества, убийствами и другими насильственными действиями;

3) бесхозяйственность;

4) нарушение кулаками законов о национализации земли;

5) контрабанду, подделку денег и поджог;

6) нарушение безопасности железнодорожного сообщения, строительных и противопожарных правил;

7) бандитизм.

Самым последовательным в отстаивании идеи освобождения будущего уголовного кодекса Советского государства от каких-либо элементов буржуазного права оказался Н.В. Крыленко. Уже по одной этой причине Вышинский, критикуя в своем докладе «Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции» идею замены в новом уголовном кодексе точных составов преступлений на «ориентировочные составы, абсолютно судью не связывающие», должен был обрушиться главным образом на Н.В. Крыленко. Но у прокурора СССР имелось немало и других оснований для уничтожающей критики в его адрес.

Николай Васильевич Крыленко входил в когорту «старых большевиков» и был юристом по образованию¹⁹. Поэтому в Советском государстве он занимал высокие юридические должности: с августа 1920 до января 1921 г. Крыленко являлся председателем Верховного революционного трибунала при ВЦИК РСФСР, со 2 января по 15 августа 1922 г. был председателем Верховного трибунала при ВЦИК РСФСР. С 15 октября 1928 г. до 5 мая 1931 г. состоял в должности прокурора РСФСР. С 5 мая 1931 г. до 20 июля 1936 г. он занимал пост народного комиссара юстиции РСФСР. Обрушиваясь в своем докладе на Н.В. Крыленко, Вышинский наносил удар по человеку, который вполне мог — при роковом стечении обстоятельств — заменить его на посту прокурора СССР. Во всяком случае роль обвинителя «врагов народа» Крыленко был способен исполнить не хуже Вышинского, а возможно, и лучше.

Первый выпад Андрея Януарьевича в адрес Николая Васильевича был похож на укол научной критики. «При построении

¹⁷ Там же. С. 80—81.

¹⁸ Там же. С. 81.

¹⁹ В 1914 г. Н.В. Крыленко сдал экстерном экзамены по программе юридического факультета Императорского Харьковского университета.

нового Уголовного кодекса мы прежде всего сталкиваемся с необходимостью ответить на ряд вопросов, имеющих громадное принципиальное значение, — так начал Вышинский свое наступление. — Таков, например, вопрос о так называемых “точных составах преступлений”. После этих слов Вышинский явно сделал паузу: следующая фраза в стенограмме его доклада начинается с новой строки. Здесь в первый раз встречается фамилия Крыленко, и Вышинский сообщает казалось бы малозначащий, никак не порочащий наркома юстиции факт: «Я должен напомнить о том, какой энергичной атаке со стороны некоторых товарищей, и в частности т. Н.В. Крыленко, подвергался этот принцип на протяжении ряда лет». После данного заявления прокурор СССР счел необходимым оправдаться за то, что помянул старое: «Я не стал бы тревожить теней прошлого, если бы этот вопрос не затрагивал самых подлинных глубин нашей судебной практики, если бы то или иное его решение не затрагивало чрезвычайно остро и резко основных вопросов нашей уголовной политики»²⁰. Сделав «шаг назад», Вышинский подготовил следующий, более тяжелый выпад против своего оппонента.

«При составлении проекта УК 1930 г. и позже (до проекта 1934 г.), — снова стал вспоминать он, — т. Крыленко требовал “дефетишизации” этих составов, противопоставляя “точным составам”, презрительно именуемым им “прейскурантом” преступлений, лишь “ориентировочный перечень наиболее опасных преступлений и мер репрессии...”. Новый кодекс должен был, по мысли т. Крыленко, “свести их с роли непреложной догмы к роли рабочего инструмента в руках судьи”. Новый УК должен представлять собой сумму “приблизительных наметок мероприятий, которые целесообразно применять в каждом отдельном случае...”»²¹.

Последнее из процитированных Вышинским высказываний Н.В. Крыленко было взято из доклада «Проект Уголовного кодекса Союза ССР», сделанного наркомом юстиции РСФСР 25 декабря 1934 г. на совместном заседании президиума Коммунистической академии и Государственного института уголовной и исправительно-трудовой политики при Верховном суде СССР, Прокуратуре СССР и Наркомате юстиции РСФСР. Трудно сказать, насколько точно Андрей Януарьевич процитировал слова Крыленко: при публикации своего доклада в журналах Николай Васильевич переработал его стенограмму²². Высказанная им в докладе и приведенная Вышинским мысль о том, что новый уголовный кодекс должен содержать лишь приблизительные меры, которые должны впоследствии применяться судьями, в переработанном варианте получила следующий вид: «Кодекс должен быть достаточно **гибким**, чтобы обеспечить суду возможность не только применить репрессию в каждом конкретном случае, в том числе тогда, когда необходимо судить по аналогии, но и применить репрессию так, чтобы у суда не были связаны руки в смысле выбора **наиболее целесообразной** меры репрессии для каждого конкретного случая»²³.

Третьему своему выпад в адрес Крыленко Вышинский придал исключительно политический смысл. Прокурор СССР оценил высказывания наркома юстиции о целесообразности давать в новом уголовном кодексе не точные, а лишь «ориентировочные», приблизительные составы преступлений с точки зрения идей, высказанных Сталиным в речи 4 мая 1935 г. «Сейчас, — заметил Вышинский, — больше, чем когда-либо, видна ошибочность такого тезиса. В свете речи т. Сталина о кадрах нужно еще более решительно, еще более энергично бороться за устойчивость, твердость и непреложность совет-

²⁰ Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции // За социалистическую законность. 1935. № 6. С. 10.

²¹ Там же.

²² Крыленко Н.В. Проект Уголовного кодекса Союза ССР. Переработанная стенограмма доклада 25 декабря 1934 г. на заседании президиума Коммунистической академии совместно с Госинститутом уголовной политики при Прокуратуре СССР и НКЮ РСФСР // Советское государство. Журнал Института советского строительства и права Коммунистической академии. 1935. № 1—2. С. 85—107; Советская юстиция. Орган НКЮ РСФСР. 1935. № 11. С. 1—10.

²³ Советское государство. 1935. № 1—2. С. 104; Советская юстиция. 1935. № 11. С. 9.

ского закона. Нельзя защищать этих надуманных “ориентировочных” составов преступлений, особенно в нынешних условиях, когда партия и правительство требуют твердого и точного соблюдения всеми советских законов, когда партия, устами своего вождя, сокрушительно бичует “зазнавшихся вельмож”, думающих, что законы писаны для дураков. “Ориентировочные” составы — это неопределенность, неустойчивость, произвол в области борьбы с преступностью. Нельзя допустить, чтобы каждый судья творил по-своему законы... Отказ от “точных составов” открывает дверь самым разнообразным нарушениям закона, самому бесшабашному кустарничанью, самому нелепому “правотворчеству”... Нужно помнить, что вопрос о правильной квалификации тех или иных преступлений является важнейшим условием правильного осуществления нашей судебной политики, имеющей дело с живыми людьми, обязанной считаться с живыми интересами трудящихся, с интересами и всего пролетарского государства»²⁴.

По своему содержанию вопрос о методике изложения материала уголовного кодекса являлся, конечно, вопросом научным. Он предполагал в первую очередь выработку определенного взгляда на сущность преступления и цели наказания или меры социальной защиты, а также создание соответствующей этому взгляду классификации преступных деяний и определение круга назначаемых за их совершение наказаний или мер социальной защиты, установление порядка их применения судьями. Как показывают материалы обсуждения вопроса о наиболее целесообразных принципах построения нового уголовного кодекса, спор по этой теме между правоведами имел преимущественно научный характер. Политический характер этому сложнейшему юридическому вопросу придал именно Крыленко.

В первом же своем выступлении о реформе Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., которое было представлено в виде

доклада на заседании коллегии наркомата юстиции РСФСР 24 мая 1928 г., Н.В. Крыленко, занимавший в то время должность заместителя наркома юстиции, высказал отрицательное отношение к дозированию уголовной репрессии, соотносению ее с конкретными преступлениями, заявив, что по существу это дозирование есть не что иное, как «отражение в уголовной политике идеи эквивалентности товаров друг другу, свойственной обществу, основанному на товарообороте, — отражение в форме принципа, что равным образом за соответствующее преступление надлежит отпустить такую-то дозу, такую-то порцию репрессии»²⁵. Подменяя юридический подход к вопросу переработки действующего уголовного права политическим подходом, Крыленко старался найти опору своим сугубо идеологическим воззрениям на уголовный кодекс в идеях марксизма и ленинизма. С точки зрения этих идей он оценивал уголовную политику Советского государства и приходил к выводу, что она «не выдерживает критики уже совершенно». Пытаясь обосновать эту оценку, Крыленко утверждал в докладе на коллегии НКЮ, что «основной принцип марксизма, рассматривающего общество как совокупность различных классов, рассматривающего всякую систему репрессии как орудие господства и принуждения, при помощи которого действует один класс в отношении другого, не может мириться ни с теорией “вины” и “наказания”, ибо не за что “наказывать” классовых врагов, ни с теорией исправления, поскольку исправлять классовых врагов, равным образом, не имеет никакого смысла»²⁶.

Исключительно политическое воззрение на основополагающие категории уголовного права неизбежно вело Крыленко к отказу от принципа соответствия наказания тяжести преступления, а в конечном итоге — к мысли о бесполезности особенной части уголовного кодекса. «Что же касается задач уголовной политики в отно-

²⁴ Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции // За социалистическую законность. 1935. № 6. С. 10—11.

²⁵ Крыленко Н.В. Принципы переработки уголовного кодекса. Доклад на заседании коллегии НКЮ от 24.V.1928 г. // Революция права. 1928. № 4. С. 5; Еженедельник советской юстиции. 1928. № 22. С. 641—643; № 23. С. 661—664.

²⁶ Там же. Революция права. 1928. № 4. С. 7; Еженедельник советской юстиции. 1928. № 22. С. 642.

шении представителей своего же класса, — заявлял он, — то с точки зрения марксизма... нелепостью является постановка проблемы их исправления путем заключения в тюрьму на те или иные сроки. Плановое воздействие на основы экономики нашего общества, уничтожение классовых противоречий в их корне, устранение основных первопричин, порождающих преступность, — вот методология борьбы, которая в данном случае может явиться для нас единственно приемлемой. А с этой точки зрения отпадают сразу же и теория “соответствия меры репрессии содеянному” и “теория исправления” путем заключения на тот или иной заранее определенный срок»²⁷.

Политический, а не юридический характер имела и заимствованная Н.В. Крыленко у П.И. Стучки идея деления всех преступлений на три категории: социально вредные действия, *социально опасные действия* и *особо опасные действия*. С учетом этого деления Николай Васильевич высказывал мысль о том, что «так называемая “особенная часть” Уголовного кодекса должна быть разделена на три раздела» соответственно предложенной им классификации преступных деяний²⁸.

Подобные воззрения формировали в молодом Советском государстве **идеологию государственной политики массовых репрессий**. Особенно явственно эта тенденция проявилась в докладе Н.В. Крыленко «Три проекта реформы уголовного кодекса», с которым он выступил в 1931 г. на I Всесоюзном съезде марксистов-государственников. Это было программное выступление. Народный комиссар юстиции РСФСР предельно откровенно выражал свои представления о том, каким должен быть образцовый уголовный кодекс Советского государства. «Главная беда нынешней нашей системы уголовного кодекса, — утверждал он, — в том, что в ней сохраняются и те элементы буржуазной формы права, которые мешают нам на данном этапе. Задача подавления классовых врагов, задача

дисциплинирующего воздействия на колеблющиеся элементы из среды трудящихся — обе эти задачи предполагают... дифференциацию репрессии по классовому признаку. Этой дифференциации уголовной политики противопоставляются формальная точка зрения уголовного права буржуазии о равенстве закона для всех, формальное понятие преступления, требование равной репрессии, считающейся только с точной буквой закона, только с объективной тяжестью содеянного. Эта точка зрения мешает правильному построению нашей уголовной политики сейчас. Мы на этой точке зрения стоять не можем, должны ее отвергнуть, ибо она прямо мешает основной задаче — классово дифференцировать методы уголовной репрессии.

Не в меньшей мере противостоит этой задаче эквивалентность формы репрессии с вытекающим отсюда делением преступлений на отдельные составы, связанные с дробными мерами репрессий на основе принципа дозировки. Система точных составов, система точных, предуказанных доз репрессии, применяемых на основе формального подхода к совершающему преступление, в период обостряющейся классовой борьбы мешает пролетариату, связывает его руки. В этом процессе классовой борьбы нельзя подходить к врагу с определенным, фиксированным, точным указанием: вот столечко и столечко полагается тебе за данное преступление. Нам нужно в нынешней борьбе развязать руки нашему суду пролетарской диктатуры как орудию общественной самодисциплины трудящихся. Пусть он в каждом конкретном случае, соблюдая классово дифференцированный подход, ищет наиболее целесообразную меру»²⁹.

Сам Н.В. Крыленко вряд ли сознавал подлинный смысл уголовно-правовых доктрин, сформулированных и изложенных им в многочисленных устных выступлениях, журнальных статьях и книгах. Он считал эти доктрины революционными

²⁷ Там же.

²⁸ Революция права. 1928. № 4. С. 14; Еженедельник советской юстиции. 1928. № 22. С. 662—663.

²⁹ Крыленко Н.В. Три проекта реформы уголовного кодекса // Советское государство и революция права. Журнал Института советского строительства и права. 1931. № 1. С. 89—90.

и присущими пролетарскому государству на всех этапах его развития. Он забыл или не понимал то, что всегда помнил и понимал Вышинский: **государство — неважно какое, буржуазное, пролетарское или социалистическое — всегда является прежде всего государством.**

Критику Вышинского Николай Васильевич воспринял предельно серьезно и еще до публикации доклада прокурора СССР «Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции» написал ответ на его критические выпады. Поэтому в журнале «Советская юстиция», печатном органе Наркомата юстиции РСФСР, доклад А.Я. Вышинского и ответ Н.В. Крыленко на содержащуюся в нем критику были

опубликованы одновременно³⁰. Андрей Януарьевич ответил на ответ Крыленко. Началась полемика между прокурором СССР и наркомом юстиции РСФСР непосредственно по проблемам уголовного кодекса, а вообще — по вопросу уголовной политики Советского государства. Данный спор длился на страницах журналов до конца 1935 г. Его содержание, стиль публикаций и их тон многое проясняют не только во взаимоотношениях этих двух людей, игравших в 1920-е — 1930-е годы ключевые роли в юридической жизни и политике Советского государства, но и в общественной атмосфере, существовавшей в нашей стране накануне периода массовых репрессий. ■

³⁰ Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции // Советская юстиция. 1935. № 18; Крыленко Н.В. Ответ т. Вышинскому // Советская юстиция. 1935. № 18. С. 8—11.

Ключевые слова

СССР; прокуратура; суд; уголовный кодекс; Н.В. Крыленко, А.Я. Вышинский

Список литературы

1. Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции // За социалистическую законность. 1935. № 6.
2. Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции. М., 1935.
3. Деятельность Государственного Института по изучению преступности и преступника (составление проекта уголовного кодекса) // Проблемы преступности. Вып. 4. М., 1929.
4. Крыленко Н.В. Ответ т. Вышинскому // Советская юстиция. 1935. № 18.
5. Крыленко Н.В. Принципы переработки Уголовного кодекса РСФСР. Доклад на заседании коллегии НКЮ от 24.V.1928 года // Революция права. Журнал секции теории права и государства Коммунистической академии. 1928. № 4; Еженедельник советской юстиции. 1928. № 22, 23.
6. Крыленко Н.В. Проект Уголовного кодекса Союза ССР. Переработанная стенограмма доклада 25 декабря 1934 г. на заседании президиума Комакадемии совместно с Госинститутом уголовной политики при Прокуратуре СССР и НКЮ РСФСР // Советское государство. Журнал Института советского строительства и права Комакадемии. 1935. № 1—2; Советская юстиция. Орган НКЮ РСФСР. 1935. № 11.
7. Проект нового уголовного кодекса РСФСР, выработанный подсекцией уголовного права Института советского строительства и права при Коммунистической академии / Вступ. статья Н.В. Крыленко. М., 1930.
8. Ширвиндт Е.Г. Проблемы советского уголовного права на грани второго десятилетия Октября // Советское право. Журнал Института советского права. 1927. № 6 (30).

АНДРЕЙ ЯНУАРЬЕВИЧ ВЫШИНСКИЙ (1883—1954): ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ И ПРАВОВЕД СТАТЬЯ ДЕСЯТАЯ*

В.А. Томсинов,

доктор юридических наук, профессор юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Спор между А.Я. Вышинским и Н.В. Крыленко, развернувшийся после выступления прокурора СССР 19 мая 1935 г. с критикой в адрес народного комиссара юстиции РСФСР, имел необычный характер. Между собой столкнулись не просто два человека, занимавшие высшие юридические должности в Советском государстве, но люди, олицетворявшие два течения в большевистской идеологии и соответственно воплощавшие два разных типа советских государственных деятелей. Один из них являлся по своему мировоззрению **большевиком-революционером**, другой — **большевиком-государственником**. Первый вошел в число жертв политических репрессий 1936—1938 гг. Второй выступил в качестве их обвинителя.

Тайна сталинских репрессий 1930-х годов вряд будет когда-нибудь будет разгадана: слишком много явлений, процессов, противоречий сплелось воедино в данном феномене. Слишком много противоположностей смешалось в нем. **Это было преступление, в котором нередко жертвы становились собственными палачами, а палачи оказывались жертвами.**

Конфликт между Вышинским и Крыленко показывает, как происходило это удивительное и странное превращение палача в жертву, а жертвы — в палача.

Критикуя друг друга, и народный комиссар юстиции РСФСР Н.В. Крыленко, и прокурор СССР А.Я. Вышинский подчеркивали, что разногласия между ними касаются лишь вопросов уголовного процесса и уголовного кодекса, т. е. относятся прежде всего к области юридической науки. Однако стиль, содержание и логика их высказываний, аргументация, к которой они прибегали, чтобы доказать свою правоту, выдавали тот факт, что в действительности они рассматривали полемику между собой как настоящее политическое сражение и соответственно каждый из них относился к своему оппоненту как к политическому противнику. Сознвая принципиальный, идеологический характер своих расхождений в понимании основных вопросов уголовного права и уголовного процесса, оба полемиста не стеснялись называть свой спор «дракой за честь» или просто «дракой», а взаимные критические выпады представлять в качестве «обвинений».

Первый свой ответ на критику, прозвучавшую в докладе прокурора СССР по поводу речи И.В. Сталина о кадровой политике, Крыленко начал с объяснения причины, побудившей его решительно и резко на нее возразить. «Там, где идет вопрос о принципах, — заметил он, — там должно действительно драться до конца или, как говорил принц Гамлет, «драться за скорлупу, если задета честь». Вот почему мы не можем оставить без ответа выступление т. Вышинского, хотя и не видим ни особенной необходимости, ни особенной логики в связывании этих вопросов с выступлением т. Сталина о кадрах»¹.

* Статьи с первой по восьмую см.: Законодательство. 2017. № 8—12; 2018. № 1—4.

¹ Крыленко Н.В. Ответ т. Вышинскому // Советская юстиция. 1935. № 18. С. 8.

А.Я. Вышинский в своем ответе на ответ Н.В. Крыленко, опубликованном одновременно в двух журналах — «Советская юстиция» и «Социалистическая законность», также счел необходимым отметить принципиальность его спора с наркомом юстиции РСФСР. «Я не согласен, — заявил он, — что за скорлупу следует драться, даже если задета честь. В данном случае речь идет не о «скорлупе», как выражается Гамлет, а о действительно серьезных, принципиальных вопросах нашей судебной политики. Поэтому я готов драться за правильное решение этих вопросов»².

И Вышинский, и Крыленко были согласны с тем, что прокуратура и суд в Советском государстве в сфере борьбы с преступностью решают две задачи: защищают интересы трудящихся и подавляют классовых врагов. Эту мысль они последовательно проводили и в своих выступлениях. Разногласия между ними начинались лишь тогда, когда заходила речь о способах достижения указанных целей.

Андрей Январевич был убежден, что защиту интересов трудящихся и подавление классовых врагов можно эффективно осуществлять в рамках единого уголовного процесса. Введенный постановлением Центрального исполнительного комитета Союза ССР от 1 декабря 1934 г. упрощенный и ускоренный порядок расследования и судебного рассмотрения дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти он рассматривал как временное исключение из правил, вызванное чрезвычайными обстоятельствами, связанными с убийством С.М. Кирова. Высказывая в докладе «Речь т. Сталина и задачи органов юстиции» мнение о необходимости внесения в действующий уголовный кодекс ряда изменений «в духе дальнейшей демократизации нашего судопроизводства», прокурор СССР призывал поэтому «решительно отвергнуть всякие попытки возродить теорию двух процессов». «Нельзя, — утверждал он, — смешивать этот вопрос с вопросом о выделении некоторых категорий дел, как это делает закон 1 декабря 1934 г., для рассмотрения в особом порядке. Во всяком процессе могут быть те или иные отступления, исключая из обычного процесса. Это естественно и неизбежно. Но это другой вопрос. Это не вопрос о двух процессах»³.

Крыленко же, в отличие от Вышинского, полагал, что защита интересов трудящихся и подавление классовых врагов на достойном уровне возможны лишь при условии введения в Советском государстве двух типов уголовного процесса. «Наш судебный процесс, — писал он, — являясь таким же политическим орудием, каким является и наш Уголовный кодекс, должен отличаться двумя основными качествами:

а) быть достаточно гибким в смысле процессуальных полномочий суда для того, чтобы обеспечить необходимую маневренность и свободу в установлении методов для отыскания материальной истины и разоблачения классового врага, во-первых, и быстроту репрессии (ее суровость в свою очередь обеспечивается материальным правом), во-вторых;

б) быть достаточно демократичным, чтобы обеспечить максимальную защиту прав трудящихся в судебном процессе и наибольший воспитательный эффект в отношении окружающих»⁴.

При этом нарком юстиции РСФСР отмечал, что «эту вторую задачу обеспечивают принципы советской судебной демократии, гласность процесса, его непосредственность, устность и т. д.». А «чрезвычайные полномочия суда при рассмотрении дел по декрету от 1 декабря являются примером тех приемов и способов, к которым прибегает наш процесс для разрешения первой задачи»⁵.

Указанные две формы судопроизводства Н.В. Крыленко находил настолько качественно разными, что делал вывод о появлении в рамках советского правосудия двух типов уголовного процесса. «Это совершенно ясно и отчетливо выраженные две фор-

² Вышинский А.Я. Ответ на ответ // Там же. № 33. С. 4; Социалистическая законность. 1935. № 10. С. 27.

³ Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции // За социалистическую законность. 1935. № 6. С. 12.

⁴ Крыленко Н.В. Ответ т. Вышинскому. С. 9.

⁵ Там же.

мы судовогодения, применяемые одним и тем же судом в зависимости от политической обстановки, места и времени»⁶, — утверждал он. В связи с этим Николай Васильевич предлагал написать новый уголовно-процессуальный кодекс так, чтобы «у суда были все возможности для применения обеих форм процесса... в зависимости от конкретных обстоятельств места, времени, характера преступления и личности совершившего»⁷.

А.Я. Вышинский считал разделение судебного процесса на два вида (один — специально для классовых врагов, другой — для трудящихся) недопустимым в условиях, когда гражданская война была окончена и стояли задачи упрочения основ Советского государства, утверждения во всех сферах государственной деятельности принципа законности. Против такой реформы уголовного процесса он выступал и ранее. Его спор с Крыленко по данному вопросу был, в сущности, продолжением их давних разногласий.

Наркомат юстиции РСФСР еще в 1927 г. предлагал принять новый уголовно-процессуальный кодекс, закрепляющий два разных судебных процесса: особый — для классовых врагов и обыкновенный — для трудящихся. «Тезисы о реформе УПК», утвержденные постановлением коллегии Наркомата юстиции РСФСР 9 июня 1927 г., были разработаны при активном участии Н.В. Крыленко, занимавшего тогда пост заместителя наркома юстиции РСФСР⁸. В этом документе констатировалось, что существовавший в то время в системе советского правосудия процесс, «долженствовавший обеспечить краткую и быструю репрессию в отношении классовых врагов, превратился в свою противоположность — длинный, наполненный формалистикой и крючкотворством процесс»⁹. В связи с этим было предложено разделить судебный процесс на два вида: «процесс в губернском суде и процесс в народном суде»¹⁰.

Процесс в народном суде предполагалось в максимальной степени освободить от всяких формальностей, оставив минимум норм, подлежащих обязательному соблюдению. Нормы же, не вошедшие в эту категорию, предусматривалось признать «техническими приемами, нарушение которых не играет существенного значения»¹¹.

Процесс в губернском суде должен был в соответствии с этой реформой строиться как «исключительный процесс» на основании «предоставления руководящей роли председателю, без допущения прокуратуры и защиты, и на основе применения, по усмотрению суда, ряда жестких процессуальных мер»¹².

А.Я. Вышинский видел в таком разделении процесса большую опасность для Советского государства. В докладе на объединенном заседании секции уголовной политики Института советского строительства и права Коммунистической академии и секции уголовного процесса Института уголовной политики Прокуратуры СССР и НКЮ РСФСР, сделанном 23 октября 1934 г., Андрей Януарьевич подверг резкой критике проект реформы УПК, предложенный наркоматом юстиции в конце 1927 г. «Не разрушать УПК и уголовный процесс, а максимально его укрепить — вот в чем состояла тогда наша задача, — заявил он. — Тогдашний НКЮ попытался пойти по пути наименьшего сопротивления, рассуждая примерно так, что раз классовый враг использует про-

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Н.В. Крыленко принимал активное участие и в разработке на основе этих тезисов проекта нового УПК РСФСР, закрепившего деление судебного процесса на два вида — «судебное заседание в народном суде» и «судебное заседание в губернском суде». Текст проекта, опубликованный в декабре 1927 г. в журнале «Еженедельник советской юстиции», представлял именно Н.В. Крыленко (см.: Крыленко Н.В. К проекту нового УПК // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 47. С. 1457—1459). Данный проект был опубликован в двух номерах указанного журнала (см.: Проект уголовно-процессуального кодекса РСФСР с постоянным наказом НКЮ о порядке производства уголовных дел в судебных учреждениях РСФСР. Проект постановления СНК РСФСР // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 47. С. 1473—1481 № 48. С. 1510—1520).

⁹ Тезисы о реформе УПК. Постановление Коллегии Нар. Ком. Юстиции РСФСР (протокола № 464/9 заседания от 9 июня 1927 г.) // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 47. С. 1472.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 1473.

цессуальные права и всякие “формальности”, чтобы уйти от ответственности, то лучше всего уничтожить эти “права” и “формальности”¹³. Между тем эти права представляли собой частицу советского права, элементы права пролетарского государства, необходимого пролетариату как одно из орудий подавления именно классового врага, как средство мобилизации широких масс трудящихся на борьбу с классовым врагом и преступлениями.

Ошибочность занятой в 1927 г. по отношению к УПК позиции НКЮ совершенно очевидна, особенно теперь, когда так остро стоит перед нами задача максимального укрепления процессуального производства как основы и условия деятельности советского суда, значение которого, особенно в настоящее время, чрезвычайно велико»¹⁴.

Содержание доклада Вышинского 23 октября 1934 г. показывает, что критика позиции Н.В. Крыленко в докладе 19 мая 1935 г. отражала в первую очередь идейные расхождения между ними.

Отвечая на критику прокурора СССР, нарком юстиции РСФСР писал: «Выступление т. Вышинского против меня сводится к обвинению: 1) что я выступаю сторонником не точных, а ориентировочных составов в Уголовном кодексе, 2) что продолжаю борьбу против дозировки, 3) ввожу и поощряю “самое нелепое правотворчество”, в итоге чего появляются юридические конструкции, способные только “сбить местных работников юстиции с толку”»¹⁵. В свою очередь Вышинский, раскрывая суть своего спора с Крыленко, указывал, что их разногласия касаются трех вопросов: «1) Вопросы о твердых составах, 2) вопроса о дозировке и подробности наказания и 3) вопроса о двух процессах или об едином процессе»¹⁶.

В действительности разногласия между прокурором СССР и наркомом юстиции РСФСР, проявившиеся особенно ярко после мая 1935 г., имели более серьезный характер. Конфликт между этими людьми по вопросам, казалось бы, чисто юридическим по своему глубинному смыслу являлся столкновением между прошлым и будущим Советского государства. Н.В. Крыленко выступал за продолжение революции и гражданской войны, во всяком случае он считал, что они продолжаются, поэтому старался и органы юстиции, и уголовный и уголовно-процессуальный кодексы приспособить для более эффективной борьбы с классовыми врагами. Вышинский же хотел окончательного прекращения революции и гражданской войны, поэтому стремился привести следственную, судебную и прокурорскую деятельность в состояние, присущее нормальному государству.

В докладе «Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции» А.Я. Вышинский утверждал: «В настоящее время мы больше, чем когда бы то ни было, должны требовать, чтобы наказания, которые мы выносим, соответствовали индивидуальному вреду того или другого человека, индивидуально выраженному преступлению. Колебания в этой точке зрения должны быть отвергнуты решительным образом»¹⁷.

Крыленко в своем ответе на критику Вышинского привел данное его высказывание, но лишь для того, чтобы выразить свое несогласие с призывом назначать только такие наказания, которые соответствуют индивидуальному вреду, причиненному преступником.

¹³ В данном случае А.Я. Вышинский имеет в виду третий тезис из постановления Коллегии Наркомюста от 9 июня 1927 г., в котором говорилось: «Классовый характер общественных отношений, характеризующих до сих пор и советскую действительность, дал возможность буржуазной защите использовать предоставляемые УПК формальные гарантии для избавления классовых противников революции от пролетарской репрессии, в особенности по делам о хозяйственных преступлениях, отчасти о должностных преступлениях и по всем делам о контрреволюционных преступлениях». На основании этого вывода Наркоматом юстиции РСФСР и было принято решение о «коренном пересмотре» УПК, который позволил бы «дать процесс гибкий, лишенный всякой формалистики и в то же время обеспечивающий обе основные цели: жесткость репрессии по отношению к классовым врагам и поддержание через суд общественно-правовой дисциплины среди трудящихся» (Тезисы о реформе УПК. Постановление Коллегии Нар. Ком. Юстиции РСФСР (протокол № 464/9 заседания от 9 июня 1927 г.). С. 1472).

¹⁴ Вышинский А.Я. Реформа уголовно-процессуального законодательства // Советское государство. 1934. № 6. С. 46.

¹⁵ Крыленко Н.В. Ответ т. Вышинскому. С. 9.

¹⁶ Вышинский А.Я. Ответ на ответ // Советская юстиция. 1935. № 33. С. 4; Социалистическая законность. 1935. № 10. С. 27.

¹⁷ Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции. С. 12.

Задав риторические вопросы, он довольно категорично высказал мнение о том, какой должна быть судебная политика Советского государства: «Вреду или опасности? Ведь в этом гвоздь. Наказания должны соответствовать опасности этого человека или должны соответствовать (быть пропорциональными) вреду, который этот человек нанес? Ведь это же вещи совершенно разные. Увы, ясного ответа т. Вышинский не дает.

Никогда я не охаживал советской судебной политики, если она строила свои приговоры, исходя из индивидуальных особенностей преступления, из индивидуальных особенностей каждого совершившего преступление. Но я всегда боролся и буду бороться против дробности наказания, мотивированной буржуазной схоластикой теории возмездия, хотя также никогда не сводил всякую дробность к этой буржуазной схоластике.

В этом суть вопроса. В этом коренная разница. «Кажинный раз» на этом самом месте сбиваются и спотыкаются все те, которые не хотят видеть коренной принципиальной разницы между обеими постановками и которые поэтому в судебной практике скатываются систематически к теории возмездия-отмщения за причиненный вред — вместо отыскания методов борьбы сообразно выявившейся опасности данного человека»¹⁸.

В отличие от Вышинского, выступавшего за то, чтобы наказания соответствовали вреду, причиненному преступником, Крыленко считал, что мера наказания должна зависеть от потенциальной опасности человека. Данный принцип назначения наказаний доминировал в уголовно-правовой идеологии и карательной политике Советского государства в первые годы его существования. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», утвержденные постановлением Народного комиссариата юстиции РСФСР 12 декабря 1919 г., провозглашали: «При определении *меры воздействия* на совершившего преступление суд оценивает *степень и характер* (свойство) *опасности для общества* как самого преступника, так и совершенного им деяния»¹⁹. Преступлением в этом документе называлось «действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений», т. е. признак вины совершенно не учитывался. Соответственно наказание трактовалось как «оборонительная мера» или как «те меры принудительного воздействия, посредством которых власть обеспечивает данный порядок общественных отношений от нарушителей последнего (преступников)»²⁰. Пункт 10 «Руководящих начал» предписывал и объявлял: «При выборе наказания следует иметь в виду, что преступление в классовом обществе вызывается укладом общественных отношений, в котором живет преступник. Поэтому наказание не есть возмездие за «вину», не есть искупление вины»²¹.

С тех пор, как была сформулирована эта доктрина преступления и наказания, прошло шестнадцать лет. Советское государство окончательно сформировалось, и его уголовное законодательство отошло от основных постулатов данной доктрины. Однако Н.В. Крыленко продолжал их исповедовать: в его речах и статьях отражался все тот же взгляд на преступление и наказание. *Его спор с Вышинским по вопросам преступления и наказания был в сущности своей столкновением двух советских доктрин уголовного права: первоначальной, присущей Советскому государству эпохи становления, которая пришла на годы гражданской войны, и зрелой, утверждавшейся в первой половине 30-х годов XX в., которая соответствовала Советскому государству, вышедшему из состояния гражданской войны.*

Продолжая полемику с А.Я. Вышинским, Н.В. Крыленко становился все более категоричным и открытым в выражении своих взглядов. Он вел научную по своему содержанию дискуссию с прокурором СССР так, будто боролся с классовым врагом. Не сумев удержаться от политической оценки своего оппонента, Николай Васильевич ис-

¹⁸ Крыленко Н.В. Ответ т. Вышинскому. С. 11.

¹⁹ Постановление Народного Комиссариата Юстиции «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР». 12 декабря 1919 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1919. № 66. С. 842.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

пользовал в споре слова «либерал», «либеральный». Для истинного и неистового большевика-революционера эти определения были равнозначны выражению «классовый враг».

Наиболее резкую реакцию со стороны Крыленко вызывали призывы прокурора Союза ССР строго следовать закону при возбуждении и рассмотрении уголовного дела. «Нельзя допустить, чтобы граждан привлекали к суду за такие преступления, которые не обозначены в законе»²², — говорил Вышинский в своем докладе 19 мая 1935 г. «Ведь закон имеет один смысл, одно содержание — точное. Кто пренебрегает точным смыслом закона, кто допускает такое толкование закона, которое противоречит его точному смыслу, тот вступает в противоречие со смыслом закона и, следовательно, с законом, нарушает закон»²³, — утверждал Андрей Януарьевич в последующей своей статье, содержащей новую критику взглядов Крыленко.

Николай Васильевич считал приведенные высказывания Вышинского самым большим его прегрешением в области юриспруденции. Он даже процитировал их в своей критической статье, чтобы решительно от них отмежеваться. «Я обвиняю его в **либерализме**, — пояснял нарком юстиции РСФСР свою позицию в споре с прокурором СССР, — не в связи с оспариванием им теории об ориентировочных составах, и не в связи якобы с непризнанием им теории об ориентировочных составах, и не в связи якобы с непризнанием им принципа аналогии. Я бросаю ему упрек в либерализме за выставление им буржуазного **либерального принципа** “*nullum crimen, nulla poena sine lege*”²⁴ как основного принципа нашей политики. Вот в чем я обвиняю т. Вышинского. В том, что он вводит в нашу политику в качестве основного принципа неправильный **либеральный принцип**, который нет нужды вводить и введение которого только запутает нас и будет нам мешать в нашей практике»²⁵ (выделено мной. — В.Т.).

Резкое неприятие со стороны Крыленко данного уголовно-правового принципа было неслучайным. Он разрушал революционную доктрину преступления и наказания, от которой Николай Васильевич не желал отказываться. Вышинский же полагал, что эта доктрина не позволит установить и поддерживать надлежащий правопорядок в любом, в том числе в социалистическом государстве. Полемизируя с Вышинским, Крыленко не скрывал, что отвергает принцип «нет преступления, нет наказания, если нет о том указания закона» прежде всего потому, что он противоречит революционной доктрине уголовного права, сложившейся в первые годы существования Советского государства. Свое суждение на сей счет он выразил в предельно категоричной форме: «**Можно и должно сейчас, в нашу эпоху, подчеркивать значение незыблемости закона.** Можно и должно в нашу эпоху вести борьбу за **максимально точное его применение.** Можно и должно для этого соответственно и **своевременно** изменять и уточнять наш уголовный закон. Но нельзя класть в основу нашей уголовной политики как абсолютный принцип ее построения формулированный выше т. Вышинским буржуазный принцип “*nullum crimen, nulla poena sine lege*”. Нельзя колебать наши основные установки и взгляды на существо того, что мы называем преступлением (преступно все опасное для пролетарской диктатуры, а вовсе не только то, что обозначено в законе), и незачем кастрировать наши методы борьбы с преступлениями, не без успеха применявшиеся нами до сих пор.

В этом методологически порочном подходе т. Вышинского к основным вопросам построения нашей уголовной политики и находятся основное наше с ним расхождение и корень всех его ошибок»²⁶.

²² Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции. С. 11.

²³ Вышинский А.Я. Ответ на ответ // Советская юстиция. 1935. № 33. С. 5; Социалистическая законность. 1935. № 10. С. 29.

²⁴ Дословно: «Нет преступления, нет наказания — без закона». Н.В. Крыленко давал еще и такой перевод данного изречения: «Нет преступления, нет наказания, если нет о том указания закона». В статье 8 французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. данный принцип был выражен в следующей форме: «Никто не может быть наказан иначе, как в силу закона, принятого и обнародованного до совершения правонарушения и надлежаще примененного» (Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Новое и Новейшее время / Сост. проф. В.А. Томсинов. М., 2018. С. 161).

²⁵ Крыленко Н.В. Точки над «и» // Советская юстиция. 1935. № 33. С. 8—9.

²⁶ Там же. С. 10.

Самое примечательное в приведенном заявлении Н.В. Крыленко — это его формулировка основного принципа революционной доктрины преступления, который нарком юстиции РСФСР считал незыблемым: **«преступно все опасное для пролетарской диктатуры, а вовсе не только то, что обозначено в законе»**.

На восемнадцатом году существования Советского государства этот принцип должен был восприниматься как архаизм. Именно так его оценивал Вышинский. Почему же Крыленко рассматривал его как вполне современный и старался защитить его от любых посягательств — даже со стороны прокурора СССР?

Разгадка этой тайны проста: в отличие от Вышинского, Николай Васильевич считал, что большевистская революция в нашей стране в середине 1930-х годов еще не закончилась. Поэтому он раздраженно реагировал на призывы Вышинского соблюдать законы в их точном смысле. Возражая оппоненту, Крыленко горячо утверждал: «Наша практика не укладывается в эти его требования, не укладывается не только в силу несовершенства наших законов, очень часто отстающих от жизни, но и потому, что условия нашей еще не завершенной нами революции таковы, что мы **не можем провозглашать этот принцип, не связывая себя этим самым без нужды**, что условия нашей политической действительности таковы, что иной раз **требуют применения закона с отступлением от его текстуального толкования** и очень часто требуют применения не той статьи, под которую прямо подпадает данное преступление при опять-таки текстуально точном толковании закона. **Политическая линия судебной политики при этом остается правильной, хотя формально-логическое толкование закона страдает»**²⁷.

Публикуя статью, которая содержала приведенное высказывание, Н.В. Крыленко уже принял решение прекратить полемику с А.Я. Вышинским. Поэтому назвал ее «Точки над «и»». «У меня нет охоты дальше спорить с Вышинским, — заявил он в самом начале своей публикации. — Есть спор и спор. Есть спор, из которого, как говорили древние, рождается истина, и есть спор, который только затемняет. Это бывает тогда, когда вместо спора по существу уходят от принципиальных вопросов, создавая в то же время видимость якобы серьезной аргументации»²⁸.

В ответ на указанную статью Вышинский опубликовал краткую, всего на одной странице, заметку, в которой объявил, что три вопроса, по поводу которых шел спор, по существу разрешены не в пользу т. Крыленко. В качестве пояснения к этому утверждению Андрей Януарьевич заметил: «По первому вопросу о точных или неопределенных составах т. Крыленко сдал все свои позиции, прикрывшись, впрочем, ссылкой на требования нашей эпохи...

По второму вопросу о дозировке т. Крыленко фактически сдал свои позиции, даже не прикрываясь никакой эпохой.

Вопрос третий — о двух процессах — новым проектом УПК разрешен в направлении, прямо противоположном взглядам т. Крыленко.

Стоит ли после этого продолжать спор?»²⁹.

Данный спор действительно являлся весьма странным. Оба полемиста были озабочены более изложением собственных суждений, чем надлежащим уяснением и анализом высказываний оппонента.

Например, прокурор СССР утверждал: «Кто пренебрегает точным смыслом закона, кто допускает такое толкование закона, которое противоречит его точному смыслу, тот вступает в противоречие со смыслом закона и, следовательно, с законом, нарушает закон». Нарком юстиции РСФСР почему-то понял упомянутое толкование закона как исключительно «текстуальное» или «формально-логическое», тогда как Вышинский совершенно отчетливо писал о толковании законов для выявления их точного смысла, а не о текстуальном или формально-логическом их толковании. Андрей Януарьевич

²⁷ Там же. С. 9.

²⁸ Там же. С. 6.

²⁹ Вышинский А.Я. Вопрос действительно исчерпан // Социалистическая законность. 1935. № 12. С. 4.

даже подчеркнул: «Чтобы устранить всякую путаницу, повторяю, толкование закона допустимо, неизбежно и необходимо, но толкование **по смыслу**, а не по тексту. Такое толкование (**по смыслу**), конечно, дело трудное, но без преодоления этой трудности невозможно проводить правильную судебную политику»³⁰ (выделено мною. — В.Т.).

Вышинский завершил свой спор с Крыленко выводом, который нельзя не признать справедливым: «Вопросы, явившиеся предметом этого спора, столь серьезны и имеют столь серьезное значение для дальнейшего развития нашего советского права, что, независимо от наших личных вкусов и настроений, к этим вопросам нам придется еще возвращаться неоднократно»³¹. ■

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

Ключевые слова

СССР; прокуратура; суд; уголовный кодекс; Н.В. Крыленко; А.Я. Вышинский

Список литературы

1. Вышинский А.Я. Вопрос действительно исчерпан // Социалистическая законность. 1935. № 12.
2. Вышинский А.Я. Ответ на ответ // Советская юстиция. 1935. № 33; Социалистическая законность. 1935. № 10.
3. Вышинский А.Я. Реформа уголовно-процессуального законодательства // Советское государство. 1934. № 6.
4. Вышинский А.Я. Речь т. Сталина 4 мая 1935 г. и задачи органов юстиции // За социалистическую законность. 1935. № 6.
5. Крыленко Н.В. Ответ т. Вышинскому // Советская юстиция. 1935. № 18.
6. Крыленко Н.В. Точки над «и» // Советская юстиция. 1935. № 33.
7. Постановление Народного Комиссариата Юстиции «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР». 12 декабря 1919 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1919. № 66.
8. Тезисы о реформе УПК. Постановление Коллегии Нар. Ком. Юстиции РСФСР (протокол № 464/9 заседания от 9 июня 1927 г.) // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 47.